

Accademia russa delle scienze
Centro scientifico di San Pietroburgo
Istituto di storia San Pietroburgo

L'ITALIA E L'EUROPA

Miscellanea in memoria di
Victor I. Rutenburg

Nestor-Istoria
San Pietroburgo
2014

Об истории создания комментария Бартоло да Сассоферрато
к *Digestum Novum* (по данным болонского списка 1370 г.
из собрания Архива Санкт-Петербургского института истории РАН)

Настоящая статья представляет продолжение исследования о петербургском списке комментария Бартоло да Сассоферрато (1313–1357) к *Digestum Novum* (D. 39–50). Список хранится в Западно-европейской секции Научно-исторического архива СПбИИ РАН (карт. 590, № 1). В первой части нашего исследования, подготовленной в виде отдельной статьи, проведен кодикологический анализ рукописи, обрисованы история создания кодекса и его судьба в XIV в.¹ Подробные описания других древнейших рукописей с названным сочинением Бартоло, а в отдельных случаях и самостоятельное обращение к электронным копиям таких рукописей позволили автору настоящей работы сделать вывод, что петербургская рукопись представляет собой самый ранний из известных науке списков комментария Бартоло к *Digestum Novum* и, более того, хранит следы расположения текста в авторском оригинале.

В статье будут представлены новые доводы в пользу уже выдвинутого тезиса об особой близости петербургского списка комментария Бартоло к той утраченной ныне рукописи, над которой работал сам автор, записывая текст самостоятельно или диктуя его своему помощнику. Одновременно постараемся показать, какие замечательные свидетельства содержит наша рукопись о том, как складывался законченный текст комментария Бартоло, а вместе с тем и об индивидуальной манере выдающегося автора XIV в., особенности которой оказались отчасти стерты при последующей редакции его сочинений издателями XV–XVI вв.

То, что следует ниже, представляет некоторую параллель исследованию Бруно Парадизи о так называемых добавлениях (*additiones*), отмеченных именем Бартоло, которые в рукописях сопровождают текст Великой глоссы Аккурсия (иначе *Glossa ordinaria*) к памятникам Юстинианова права (в основном была завершена к 1234 г.²) либо

¹ Мажуга В. И. Болонский список комментария Бартоло да Сассоферрато к *Digestum Novum* в Научном архиве СПбИИ РАН // Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа. Труды Эрмитажа, LXX (в печати).

² Cf.: Weimar P. Die legistische Literatur der Glossatorenzeit // Handbuch der Quellen und Literatur der neueren europäischen Privatrechtsgeschichte / H. Coing

непосредственно текст самих этих памятников.³ В отличие от глосс XII — начала XIII в., основное содержание которых составляли указания на параллельные места и способы простого разрешения противоречий между последними, «добавления», исследованные Парадизи, передают краткое содержание глав и параграфов Кодекса, Дигест и других памятников Юстинианова права, иными словами, принадлежат к тому типу глосс, который принято было именовать *casus*. Но, как и запись ранних глосс, Парадизи связал происхождение добавлений с записью слушателями устного толкования правовых текстов, именовавшегося *lectura*, правда, на этот раз речь шла о записи лишь общих важных определений.⁴

Комментарий к *Digestum Novum*, содержащийся в петербургском кодексе, отнесен самим Бартоло тоже к категории *lectura*. В его тексте мы в свою очередь сталкиваемся с частым указанием имени Бартоло, как автора различных параграфов или отрывков текста. Но можно говорить лишь о внешнем сходстве материала, исследованного Парадизи и его последователями, и того материала, к которому мы обращаемся. Текст большого комментария Бартоло был в основном отредактирован самим Бартоло, включая и те его части, которые позднейшие переписчики сочли необходимым отметить его именем. Насколько можно судить, в историографии до сих пор не сделано попытки последовательно осветить историю появления знаков идентификации автора в больших комментариях Бартоло к Дигестам и другим памятникам Юстинианова законодательства.

Следует признать, что *lectura* в виде обширного комментария и своего рода литературного произведения вела свое начало тоже от толкований юридических текстов, которое ученые правоведы XII в. произносили в университетской аудитории, и большой комментарий Бартоло к *Digestum Novum* содержит немало речевых оборотов, предназначенных для слушателей. Однако значительная часть текстов, содержащих следы предшествующего изложения материала в аудитории, имела в большом комментарии Бартоло совсем иной источник,

(hrsg.). 1. Bd.: Mittelalter (1100–1500). München, 1973 (далее: Handbuch der Quellen...). S. 174.

³ *Paradisi B. Le glosse di Bartolo da Sassoferrato // La critica del testo: Atti del secondo Congresso internazionale della Società italiana di storia del diritto. Vol. III. Firenze. 1971. P. 575–618.*

⁴ См. важные добавления к этому исследованию в статье: *Martino F. "Lecturae per viam additionum" nel Ms. 317 della Biblioteca capitolare di Lucca // Quellen und Forschungen aus italienischen Bibliotheken und Archiven. Bd. 67. 1987. P. 462–476, spec. 464–465, 469, 472–474.*

нежели тот, откуда происходили глоссы, привлёкшие внимание Парадизи. Если глоссы с кратким изложением содержания глав и параграфов юридического памятника могли быть связаны исключительно с основным учебным курсом, то наиболее выразительные примеры лекционного материала в большом комментарии Бартоло связаны главным образом с дополнительными занятиями по наиболее важным и уже затронутым в основном курсе темам — с так называемыми *penetitionibus* (*repetitiones*), которые профессора университета (*doctores*) проводили поочередно один раз в неделю.⁵

Penetitiones проходили регулярно с октября по 1 августа с перерывом на время между Рождеством и Пасхой (*post nativitatem ante resurrectionem*), когда профессора, сменяя друг друга, были обязаны проводить лишь регулярные диспуты, которые в свою очередь продолжались вплоть до Троицына дня. Согласно принятым в 1317 г. и обновленным в 1347 г. статутам болонской университетской корпорации юристов, профессор, проводивший диспут или *penetitionem*, должен был самостоятельно или с посторонней помощью как можно лучше припомнить обсуждавшийся вопрос, высказанные в пользу различных мнений доводы и свое решение и либо самостоятельно записать все крупными буквами на пергамене, либо сделать это с помощью другого лица, диктуя ему. Далее профессор должен был проверить и исправить эту запись, а после этого в течение месяца со времени диспута или *penetitionis* передать ее генеральному педелю в тот главный центр университетской жизни, который представляла собой *statio universitatis* или *statio publica*.⁶ Там дважды в неделю ректоры университета проводили

⁵ См. рубрику 45 из статуты болонской университетской корпорации юристов: «*Decernentes, nullam decretalem seu decretum vel legem seu paragraphum repetibilem per doctorem aliquem posse repeti, nisi prius in mane cum omni sua materia saltem ibi ordinarie notata lecta vel lectus fuerit... Statuentes, quod doctores ordinarii repetere teneantur hoc ordine, scilicet, quod ultimo ex eis doctoratus vel approbatus in publica primo die lune non festivo, quod occurreret post festum b. Luce [Oct. 18], repetat, et penultimus in septimana sequenti primo die, quo legetur in illa, et sic de singulis ascensive*» (Denifle H. Die Statuten der Juristen-Universität Bologna von Jahren 1317–1347 // Archiv für Literatur- und Kirchengeschichte des Mittelalters. 1887. Bd. 3. S. 316, 10–13, 18–23).

⁶ См. Soetermeer F. *Utrumque ius in peciis*. Die Produktion juristischer Bücher an italienischen und französischen Universitäten des 13. und 14. Jahrhunderts. Aus dem Niederländischen übers. von G. Hillner. Frankfurt am Main, 2002. S. 81–82. — Функции университетских педелей в средневековой Болонье выходили далеко за пределы обязанностей позднейших «классных надзирателей», с еще большим основанием это можно утверждать в отношении главного, или «генерального» педеля.

судебные собрания, там вывешивались наиболее важные объявления и там же хранились важнейшие документы университета и собирались рукописи для их дальнейшего копирования. В свою очередь, в деле сохранения переданной ему записи диспута генеральный педель должен был принять перед профессором обязательство выступать в суде против всех возможных возражений со стороны третьих лиц. Кроме того, в отношении записи диспута в статутах выражена воля, чтобы профессора сохраняли у себя ее копию.⁷

Устоявшийся обычай передавать запись диспута или *peneticiu* в *statio* генерального педеля в Болонье и Падуе хорошо прослеживается по меньшей мере с последней четверти XIII в.⁸ Исследователям удалось обнаружить целый ряд рукописей, содержащих *quaestiones disputatae* и *repetitiones*, текст которых некогда был передан университетскому педелю. В некоторых случаях они содержат и разметку на так называемые *пециу*, использование которых позволяло одновременно нескольким писцам переписывать достаточно надежный текст. Один из таких сборников, *Roma, BNC, Vittorio Emanuele 1511*, содержащий извлечения из целого ряда рукописей, главным образом болонского происхождения, принадлежал некоему юристу, действовавшему в Умбрии и, скорее всего, в самой Перудже, где, как известно, учился и большую часть времени преподавал Бартоло. На лл. 1rb—4rb сборника содержится текст известных по многим другим спискам *пенетиций* Бартоло, а именно *Ad cuntos populos* (С. 1.1.1), прочитанной в Перудже в 1344 г., и *Omnes populi* (D. 1.1.9), прочитанной там же 3 ноября 1343 г.⁹ Примерно к тому же времени относится и соответствующая часть названного сборника.

Бартоло с самого начала своего университетского преподавания не только со всей ответственностью, но и, можно сказать, с настоящей самоотдачей следовал правилу представлять в общее пользование текст прочитанной *пенетиции*, одновременно оставляя у себя его

⁷ Denifle H. Die Statuten... S. 322, 9—24: Rubr. XLVII. «*Expedit quod disputatarum quaestionum et repetitionum copia possit haberi. Quare statuimus, quod doctor disputans vel repetens per se vel per alium quaestionem vel argumenta et solutionem suam prout melius poterit recoligat et in grossa litera in pergamento conscribat vel eo dictante per alium conscribantur... Decernentes, quod ipse doctor quaestionem sic disputatam vel repetitionem correctam et examinatam per eum, ut supra dictum est, infra mensem numerandum a die disputationis vel repetitionis factae in virtute praestiti iuramenti bidello tradere debeat generali... Et... teneatur et debeat idem doctori in disputatione, quam in statione posuerit, respondere per ordinem iuribus in contrarium allegatis. Volumus etiam, quod copiam quaestionis disputatae, quam tradunt, apud se retineant doctores...*»

⁸ Soetermeer F. Utrumque ius in peccis. S. 200—201.

⁹ См.: Calasso F. Bartolo da Sassoferrato // Dizionario biografico degli italiani. 6. Roma, 1964. P. 648—649.

копию. Редактируя текст лекции, Бартоло превращал ее в настоящий трактат. Такому преобразованию лекционного материала немало способствовало следующее обстоятельство. Даже беглый просмотр текста Бартоло не оставляет сомнений в том, что *репетиция* изначально строилась как собственное рассуждение лектора, в котором он прибегал к приему воображаемого диалога с неким собеседником. Большинство выражений в форме второго лица единственного числа, столь частых в *репетициях* Бартоло, отнюдь не означают обращения к читателю, которое могло появиться при последующей переработке ранее записанного текста, но были присущи стилю репетиции как таковой. Характерны выражения: *Si queris, Si queras* (если спрашиваешь, если спросишь), *si loqueris* (если ты говоришь), *dices tu, si dicis, diceres, posses tu dicere* (положим, ты скажешь, если ты говоришь, ты мог бы сказать), *si opponis* (если этому противопоставляешь). Безличный смысл получали глаголы в повелительном наклонении и близкие им по значению глаголы в конъюнктиве: *pone* (положим, к примеру), *adverte* (заметь, в значении «следует заметить»), *distingue* (различай, в значении «следует различать»), *intellige* (разумей, в значении «следует понимать»), *scias* (да будешь знать, в значении «да будет известно»), *dic, dicas* (да будешь утверждать, в значении «следует говорить, должно считать»).

Следует признать, что наряду с такими ходячими выражениями Бартоло порою применяет и настоящее обращение к читателю, например: «Теперь у тебя есть понимание закона *Denique* (D.39.3.1.12) — у тебя, кто никогда его не понимал» (*Modo habes intellectum legis denique tu qui eam numquam intellexisti*).¹⁰ Категоричность высказывания следует объяснять, очевидно, тем, что суждение Марцелла, о котором здесь идет речь, вообще плохо поддавалось истолкованию. Как бы то ни было, примеры явного обращения именно к читателю в *репетициях* Бартоло сравнительно редки. Еще более редки примеры обращения к слушателям во множественном числе. Думается вместе с тем, что последние были нечасты и в исходной версии *репетиции*. К примеру в *репетиции*, содержащей толкование статьи Дигест *Si is qui pro emptore* (D.41.3.15), из которой взят приведенный выше пример обращения к читателю, все встретившиеся нам обращения к слушателям, несомненно, выполняли особую задачу оживить внимание слушателей в момент неожиданного поворота мысли лектора. Так, изложив выше мнение своего старшего современника Андреа Чаффи да Пиза

¹⁰ *Bartolus <de Saxoferrato>*. Super prima parte Digesti novi. [Venetiis]: Vindelinus [de Spira], 1471. (ISTC ib00214500. GW 3546); facs. digit. München, BSB, http://daten.digital-sammlungen.de/~db/0004/bsb00046933/image_1 (далее: *Bartolus*. Super prima parte D. N. Vindelinus, 1471) [312b].

(*Andreas Zapphi de Pisis*) и некоторые возражения на его мнение, Бартоло объявляет: «Определенно, господа, мы не нуждаемся в этом ответе [на мнение Андреа], а говорить, стало быть, надо [так-то]» (*Certe domini non egeamus ista r(esponsi)one, dic ergo...*).¹¹ Немного ниже он приводит возражения римского юриста Марцелла (III в. н. э.) выдающемуся правоведа Юлиану (II в. н. э.), но, избавляя себя от необходимости разбора этих возражений, заявляет: «Господа, Вы должны знать, что Марцелл был соперником Юлиана» (*domini vos debetis scire quod Marcellus fuit emulus Iuliani*). В другой раз Бартоло озадачивает своих слушателей заявлением по поводу собственных соображений и примеров: «Вы, пожалуй, скажете, что это выдумки» (*Sed dicetis vos iste sunt trufe*).¹²

Как мы видим, все немногочисленные обращения в форме второго лица множественного числа имеют в тексте рассматриваемой *penetitionis* особую смысловую нагрузку. От Бартоло не требовалось особых усилий, чтобы при редактировании придать тексту форму трактата. Включая текст *penetitionis Si is qui pro emptore* в большой комментарий, Бартоло сделал приписку об истории ее создания, и весьма примечательно, что здесь характер своего труда он определил сначала перфектной формой глагола *repeto*, который указывал именно на лекцию-*penetitionis*, а затем обозначил тот же текст понятием *materia*, которое применялось в отношении трактатов.¹³

Йозефус ван де Камп, которому принадлежит самый значительный общий труд о творчестве Бартоло да Сассоферрато, в свое время предположил, что сочетание обращения к слушателям с обращением к читателю в тексте *penetitionis* Бартоло можно объяснить тем, что в окончательной редакции могли соединиться собственный текст Бартоло и записи слушателей. Но едва ли есть необходимость в этом допущении в отношении немногочисленных примеров такого смешения в тексте рассматриваемой *penetitionis*, а именно на примеры из нее ссылается ван де Камп.¹⁴ Сравнительно немногочисленные случаи прямого обращения к слушателям, имевшего свое особое назначение в первоначальном

¹¹ Ibid. [316b].

¹² Ibid. [325a]. К приведенным примерам добавим еще один: «*Advertatis domini per istam r(ation)em Ia(cobus) de are(na) et dominus An(dreas) sequendo eum reprehendunt glossam nostram que dicit...*» (Ibid. [315b]).

¹³ Ibid. [330b], ср. прим. 17. О соответствующем значении понятия *materia* см.: Horn N. Die legistische Literatur der Kommentatoren und der Ausbreitung des gelehrten Rechts // Handbuch der Quellen... S. 342.

¹⁴ См. *Kamp, J. L. J. van de. Bartolus de Saxoferrato, 1313–1357. Amsterdam, 1936. P. 95, n. 2; ср. итальянское издание: Bartolo da Sassoferrato. Urbino, 1935. P. 64.*

чальной версии *репетиции*, были сохранены, несомненно, в ее окончательной версии самим Бартоло.

Если иметь в виду большой комментарий Бартоло к *Digestum Novum* в целом, представляется очевидным, что сам жанр комментария, именовавшегося *lectura*, в равной степени допускал обращение в форме второго лица единственного числа, понимаемое как обращение к читателю, и обращение в форме второго лица множественного числа, обычно применявшееся в аудитории. Например, в комментарии Бартоло в конце параграфов мы нередко встречаем выражение, которым он, очевидно, привык пользоваться в классе: *non habetis alia (non habetis hic alia)* (буквально: нет других объяснений, нет других решений). Столь определенное высказывание должно было внушить студентам мысль о тщетности попыток искать иные объяснения суждений римских правоведов, нежели то, которое нашел Бартоло. Примечательно, что в нашем кодексе эта краткая фраза в большинстве случаев сопровождается указанием имени Бартоло.¹⁵ Весьма вероятно, что Бартоло вносил такого рода однообразные наставления на поля своей рукописи, когда заново перечитывал ранее написанный текст.

Присутствие в большом комментарии обращения в форме второго лица множественного числа было оправдано не только происхождением самого жанра комментария, именовавшегося *lectura*, но и его дальнейшим практическим использованием в живом преподавании права. В краткое изложение содержания глав и параграфов, составлявшее, как уже было сказано, важнейший элемент ординарного университетского курса, Бартоло, по наблюдениям Мартино, с течением времени всё чаще вводил ссылки на собственный пространный письменный комментарий.¹⁶

Наш кодекс неоспоримо свидетельствует о том, что обычно Бартоло рассматривал текст *репетиции*, некогда записанный им самим или его секретарем, как законченное произведение и при включении его в большой комментарий заметных изменений не вносил. Одновременно кодекс свидетельствует и об отсутствии в известных *репетициях* следов вмешательства посторонних редакторов. Довольно пространный текст этих *репетиций* в петербургском кодексе контрастирует с другими частями комментария в том отношении, что указания имени Бартоло как автора отрывков, добавленных или переделанных в окончательной редакции, весьма частые в большом комментарии, в пределах названных

¹⁵ См.: f. 52va 39, 134rb 12, 166ra 28, 166rb 73–74 (здесь еще добавлена фраза: *Notate et tenete predicta*), 174vb 38, 180rb 51, 221ab 66; примеры без имени Бартоло: 50ra 21, 184va 38, 192ra 56.

¹⁶ *Martino F.* "Lecturae per viam additionum"... P. 473–474.

репетиций полностью отсутствуют. Единственное исключение составляют здесь собственные примечания Бартоло в конце *репетиций*, где речь идет об обстоятельствах появления последних, их стиле и общих свойствах.

В одном случае, когда дело коснулось дорогой его памяти *репетиции*, которую он первой передал своим слушателям в записи (*fuit prima lex quam meis auditoribus in scriptis tradidi*) и стиль которой заметно отличался от его более зрелого стиля, Бартоло счел необходимым прямо сказать, что при включении ее в большой комментарий он распорядился переписать ее текст, ничего не добавив (*nullo addito hic transcribi feci*). Это было всё то же знакомое нам толкование на статью *Si is qui pro emptore* (D.41.3.15). Свою *репетицию*, как сообщает Бартоло, он прочитал в возрасте 26 лет на первом году своего преподавания в Пизанском университете (там он и начал свою профессорскую карьеру). Бартоло распорядился оставить ее том виде, в каком она была составлена в то далекое уже для него время, дабы имелось представление о нем самом, каким он был в молодые годы (*ut eius quod eram tempore mee iuventutis habeatur notitia*). Бартоло просит читателя отнести это на счет былых молодых лет его, если изложение предмета отстывает здесь от того стиля, который теперь у него в обычае.¹⁷

К сожалению, в петербургском кодексе полностью отсутствуют две книги из *Digestum novum*, а именно, 40 и 41 по принятому в наше время счету Дигест. С этими книгами выпала из кодекса и рассматриваемая *репетиция*. О ее тексте мы судим главным образом по венецианскому изданию 1471 г., которое используем и в других частях нашей работы, и по рукописи из Конвента францисканцев в Ассизи № 208.¹⁸ Наш кодекс, между тем, представляет красноречивые свидетельства о тексте всех других *репетиций*.

Сравнительно небольшая *репетиция* к статье *Quominus ex flumine publico* (D.43.12.2), которая в кодексе занимает около восьми с половиной столбцов (ff. 60va48–62vb19), целиком выдержана в стиле тракта-

¹⁷ «Hanc legem repetii primo anno quo in generali pisano studio legere incepti et eam mihi pro lectione ultima reservavi. Et fuit prima lex quam meis auditoribus in scriptis tradidi et eam prout tunc composui nullo addito hic transcribi feci, ut eius quod eram tempore mee iuventutis habeatur notitia. Fuit enim hec materia in XXVI anno etatis mee composita, unde si a stilo quo nunc utor in aliq(uo) deviare, iuvenili mee etati imputetur» (Bartolus. Super prima parte D. N. Vindelinus, 1471 [330b]).

¹⁸ f. 131vb50–140vb4. См.: Mediatheca Franciscana. 2012. Digitalizzazione dei manoscritti del Fondo Antico presso il Sacro Convento di Assisi — It-PG0213. Immagini e catalogo. http://88.48.84.154/bbw/jsp/images/ShowVolumeImages.jsp?id_volume=11945036527330.

та, так что в ней вообще отсутствует обращение в форме второго лица множественного числа. Более того, в конце ее сделана приписка, обращенная непосредственно к читателю: «Если сказанное верно, то оно (всем) угодно, если же менее удачно, прошу тебя, читатель, спокойно опровергай его, ведь для меня достаточно, если оно побуждает к исследованию истины ум читающего настоящие письмена».¹⁹ Известно, что текст *penетиции* был использован и как дополнение к замечательному трактату Бартоло об определении прав на всякого рода новообразования в русле рек (*Tractatus de fluminibus seu Tyberiadis*),²⁰ о котором мы еще скажем ниже. Тем не менее принадлежность этой части большого комментария Бартоло к жанру *penетиции* хорошо засвидетельствована. Так, венецианское издание 1478 г. сохранило предуведомление Бартоло о том, что соответствующую статью он специально комментировать не будет, так как она имеется среди *penетиций*, и надо смотреть текст *penетиции*: *Ista lex est una de repetitionibus, ideo hic nil dico, videatis in repetitione*.²¹ Издатель указал в сокращенной форме *Bar* имя Бартоло, как автора заметки, и добавил, что далее следует текст репетиции к названной статье: *sequitur repetitio eiusdem legis*. В упомянутой рукописи № 208 из библиотеки Конвента францисканцев в Ассизи о Бартоло как авторе *penетиции* сказано в конце ее в третьем лице: *repetita per d(octorem) Bar(tolum)* (f. 197ra 9).

Нет сомнений в том, что Бартоло добавил обращение к читателю в конце *penетиции* при окончательном ее редактировании как самостоятельного произведения. Об этом свидетельствуют слова: «Благодарение Богу, аминь» (f. 62vb 19, см. выше прим. 19). Этими словами он завершал как отдельные сочинения, так и значительные части своего общего комментария к *Digestum Novum*. Мы видим их и в названной рукописи из Ассизи (f. 197ra 9). За исключением особых случаев, первые издатели комментариев Бартоло, напротив, неизменно опускали это благодарение богу как излишнюю для целого комментария деталь, современному же исследователю оно позволяет точно определить нижний предел любой законченной его части. *Penетиции*

¹⁹ f. 62vb15–19: «*Hec que dicta sunt, si vera sunt placent, si autem minus bene dictum est, rogo te, lector, secure redarguas, michi enim satis est, si present(em) scriptur(am) legentis animum incitat ad veritatis indaginem. Deo gratias amen. Bar(tholus) d(e) Saxoferato legu(m) doctor*».

²⁰ *Feenstra R. Bartole dans les Pays-Bas (Anciens et modernes) // Bartolo da Sassoferrato. Studi e documenti per il VI centenario. I. Milano, 1962. P. 229–230.*

²¹ *Bartolus <de Saxoferato>. Lectura super prima parte Digesti novi. Venetiis: Nicolaus Jenson, 1478. (ISTC ib00217000. GW 3550); facs. digit.: München, BSB, http://daten.digital-e-sammlungen.de/~db/0004/bsb00046935/image_1 [263a].*

распространялись, разумеется, и как отдельные произведения, что в отношении рассматриваемого текста хорошо засвидетельствовано брюссельской рукописью *Bibl. Royale*, 2724, ff. 242r—245r.²²

Заслуживает внимания форма указания имени автора *peneticiu*; в нашем кодексе это указание следует за благодарением богу: *Bar(tholus) d(e) Saxoferato legu(m) doctor*. В создании петербургского кодекса приняли участие пять писцов, но лишь трое из них переписали значительные части текста. Каждый из этих трех писцов представлял Бартоло в качестве автора различных частей комментария своим особым способом, и как будет показано ниже, это свидетельствует об их самостоятельном подходе к определению самого авторства соответствующих параграфов и более мелких отрывков в комментарии Бартоло, которые, как можно думать, имели вид записей на полях, содержавших дополнения и новые варианты. Названную *peneticiu* переписал Карло Баччакомари (*Karolus de Baxacomatribus*), писец в своем деле весьма искусный. Указав десятки раз имя Бартоло на переписанных им листах 1r—23v, 39r—84v, 157r—176v, 207r—209v и 217r—222v, он всюду привел его в простой форме без прозвища или фамильного имени, часто сокращая его до трех первых букв и, в отличие от других переписчиков, непременно добавляя букву *h* после *t*, когда начертывал его в более полной форме. Лишь один раз, именно в конце названной *peneticiu*, этот писец сопроводил личное имя прозвищем и указанием ученого звания Бартоло. Естественно предположить, что Карло передал здесь то написание имени, которое встретил в переписываемом им образце. В других частях имевшегося в его распоряжении образца соответствующие отрывки текста, очевидно, не сопровождалось подобным указанием имени их автора. Столь же естественно предположить, что первым имя Бартоло в пространной форме указал здесь не сам Бартоло, а тот его последователь, который поспособствовал более широкому распространению *peneticiu* Бартоло. К этой мысли приводит пример другой известной *peneticiu*, где Бартоло называет себя сам, но несколько иначе.

Репетиция к статье *Eadem* (D.45.1.4), точнее говоря, к ее параграфу *Cato* (D.45.1.4.1, ff. 89ra 66 — 91va 65), по-видимому, была одной из завершающих в пизанский период профессорской деятельности Бартоло. Включая текст репетиции в большой комментарий, вновь под наплывом волнующих его воспоминаний Бартоло сообщил: «Настоящий параграф был изложен в виде *peneticiu* мною, Бартоло де Саксо Феррато, в счастливом городе Пизе в 1342 г., в пятнадцатый день месяца ноября» (*Repetitus fuit § presens per me Bartolum de saxo ferrato in felici*

²² *Feenstra R. Bartole dans les Pays-Bas...* P. 229.

civitate pisarum MCCC<X>LII, die XV mensis novenbris (!)). Переписавший эту часть кодекса писец, он же весьма взыскательный заказчик рукописи, после этих слов уже от себя вновь указал имя Бартоло: *Bartol(us)* (f. 61va 65). Это излишнее для современного читателя повторение имени Бартоло следует, очевидно, понимать как прямое указание для переписчиков, которые могли работать с тем же оригиналом, где приведенные слова Бартоло были помещены на одном из широких полей рукописи.

В тексте самой *репетиции* Бартоло сохранил колоритную подробность некогда состоявшейся лекции. В заключение своего толкования названного параграфа он указывает, что следует рассмотреть и тему *делимого и неделимого*, которую здесь и выше (в связи с толкованием одного параграфа из второй книги Дигест) помещает в своих *репетициях* Петр из Бельперш (французский правовед, авторитетный предшественник Бартоло, ок. 1250–1308). Но, говорит Бартоло, он опускает здесь эту тему, так как нет для этого времени,²³ и продолжает:

«Мы затронем ее в изложении закона “Не делятся стипуляции” (D.45.1.72), ближе к концу, где Глосса толкует этот предмет. Каковой закон, по водительству Господню, мы изложим в репетиции. Благодарение Богу, аминь!»²⁴

Как видим, и здесь благодарение богу некогда завершало отредактированный автором текст *репетиции*. Попутно мы узнаем, что в основу этого текста была положена произнесенная в аудитории *репетиция*, длительность которой была ограничена. Обещанную в пизанской лекции *репетицию* к статье *Stipulationes non dividuntur* (D.45.1.72) мы находим в нашем кодексе на лл. 103va 58–107va 23, где текст последней занимает более 15 столбцов, каждый из которых содержит около 80 строк. Текст предыдущей *репетиции* уместился на 10 столбцах. Нет сомнений в том, что в отношении окончательной письменной записи не действовали те ограничения объема, которые были неизбежны в отношении репетиции, произносимой в аудитории. В конце последней из рассмотренных нами *репетиций* отсутствуют суждения или какие-либо сообщения автора о самой *репетиции*, нет здесь и особого указания на авторство Бартоло. В этом можно усмотреть еще одно свидетельство в пользу нашего предположения о том, что указание авторства

²³ «Ultimo hic est tractanda materia dividi et individi, quam petrus po(n)it hic et supra *si quis cautionibus* (D.2.11.0) l. *si servus* (D.2.11.9) § *si plurium* (D.2.11.9.1) in *Repetitionibus suis*, tamen hic obmicto, quia tempus non patitur» (f. 91va 59–61).

²⁴ «dicemus in lege *stipulationes non dividuntur* (D.45.1.72) infra ubi glo(ssa) tractat hanc materiam, quam legem duce domino repetemus. Deo gratias, Amen» (Ibid. 61–63).

в конце *peneticiis* обычно относится лишь к тексту позднейших приписок, которые Бартоло вносил на поля своей рукописи, работая над составлением большого комментария.

Итак, рассмотренные нами примеры *peneticiis* в составе комментария Бартоло к *Digestum Novum* оставляют твердое впечатление, что Бартоло умел придать им законченную форму уже в период их создания и в дальнейшем не вносил в них изменения. Иначе обстоит дело с другими частями его большого комментария, даже там, где завершение своей работы над очередной значительной частью комментария он отметил словами *Deo gratias, amen!* Такое благодарение богу мы встречаем в конце комментария к 44-й книге Дигест (f. 85v 4) и в конце комментария к книге 48 (f. 206vb 56–57). В последнем случае комментарий заканчивается толкованием статьи *Corpora* в рубрике «О телах осужденных» (*De cadaveribus punitorum*, D. 48.24), где Бартоло предлагает своим читателям или слушателям самим подумать над щекотливым вопросом, могут ли тела казненных быть выданы для анатомических исследований.²⁵ Сама эта волновавшая его, как бывшего судью, мысль и характерная для Бартоло фразеология²⁶ могут служить лишним подтверждением того, что именно он, а не переписчик, закончил текст обычным благодарением богу.

Но, очевидно, для Бартоло работа над большим комментарием к *Digestum Novum* была неким непрерывным процессом. В уже написанный текст он вносил всё новые замечания и поправки. В заключительной части комментария к 44-й книге Дигест, который он в какой-то момент считал законченным, Бартоло, например, предлагает в толковании статьи *Qui servum* (D.44.7.34, ff. 84vb 77–85ra 29) не следовать одному из мнений, выраженных в *Ординарной глоссе*, но говорить то, что он высказал в своем толковании параграфа *Quid tamen* (D.48.5.18.3) статьи *Denuntiasse* (D.48.5.18 pr).²⁷ Иными словами, Бартоло сообщает в

²⁵ *Corpora*. Dicitur hic † quod quibuslibet petentibus potest † dari ad sepulturam, sed an potest ad noctomiam faciendam, cogitabitis. Deo gratias. Amen, Amen, Amen. (f. 206vb 55–57). — Эта актуальная для Болонского университета тема получила отражение в статутах 1442 г. медицинской университетской корпорации Болоньи, см.: *Malagola C.* (ed.) Università degli studi di Bologna: Statuti delle università e dei collegi dello studio bolognese. Bologna, 1888. P. 318, nr. 19.

²⁶ Ср. применение различных форм глагола *cogito* в подобных же предложениях читателям или слушателям самостоятельно поразмыслить над тем или иным вопросом: f. 67vb 59, 80vb 39, 131va 65, 133rb 77.

²⁷ Переписчик перепутал местами название закона и параграфа: *dic ergo, ut pl(en)e dixi in lege quid tamen* (D. 48.5.18.3) § *denuntiasse* (D. 48.5.18 pr) *infra de adulteriis* (48.5.20 sqq) (f. 85ra 28–29). В инкунабулах этой путаницы нет, на-

прошедшем времени о том, что еще должно было последовать в комментарии к дальнейшей, 48-й, книге Дигест. И это, как мы увидим ниже, лишь одно из свидетельств того, что приведенное высказывание Бартоло, как, впрочем, и основная часть его толкования параграфа *Qui servum*, было добавлено к тексту большого комментария, когда существовал уже основной его корпус.

Точно так же в прошедшем времени о том, что еще предстояло рассмотреть, следуя формальному порядку, говорит Бартоло и в толковании параграфа *Si quis offerenti* (D.46.8.3.1, f. 151ra 35–36): «*Materiam huius § dixi tibi in lege falsus* (D.47.2.43) § I supra *de furtis* (D. 47.2)». Вполне закономерно, что и здесь переписчик счел необходимым указать имя автора этого высказывания, несомненно, первоначально помещенного на полях авторской рукописи: *Bart(olus)*.

Бартоло делал всё, чтобы придать своим текстам законченную форму и передать их в надежные руки, но это идеальное устремление далеко не всегда увенчивалось успехом, и причиной того были главным образом всё новые творческие опыты самого Бартоло. Весьма показательна в этом отношении история трактата Бартоло о правоотношениях по поводу новообразований в русле рек *Tractatus Tyberiadis seu de fluminibus libri*.²⁸ Свой трактат Бартоло предварил рассказом о его появлении, в котором великолепно передал, между прочим, необыкновенно свежее мироощущение и просветленное умонастроение человека раннего итальянского Возрождения. К сожалению, в нашем пересказе мы вынуждены опустить красоты этой повести. Бартоло сообщает, как во время отдыха на вилле, расположенной на берегу Тибра вблизи Перуджи, его внимание привлекли изменения в русле реки, и он в три дня подготовил необходимые рисунки к первой и второй книге трактата и обдумал текст короткой третьей книги, а затем, вернувшись в Перуджу, просмотрел заново свои материалы и написал книжку, которую передал университету Перуджи в 1355 г.: *et cum omnibus istis Perusium sum reversus et ea revidi et sub forma infrascripta libellum composui et universitati nostre tradidi sub anno MCCCLV*.²⁹

звания закона и параграфа находятся на положенных им местах, ср.: *Bartolus. Super prima parte D. N. Vindelinus, 1471 [563a]*.

²⁸ См.: *Bartolus <de Saxorerrato>*. *Tractatus Tyberiadis seu de fluminibus libri 1–3: De alluvione, de insula, de alveo. Tractatus de insigniis et armis*. [Romae]: [Georg Herolt, Sixtus Riessinger], ante 1483.10.27 (ISTC ib00230500, GW 3610); facs. digit.: München, BSB: http://daten.digitale-sammlungen.de/~db/0006/bsb00062012/image_9

²⁹ *Ibid.* [7].

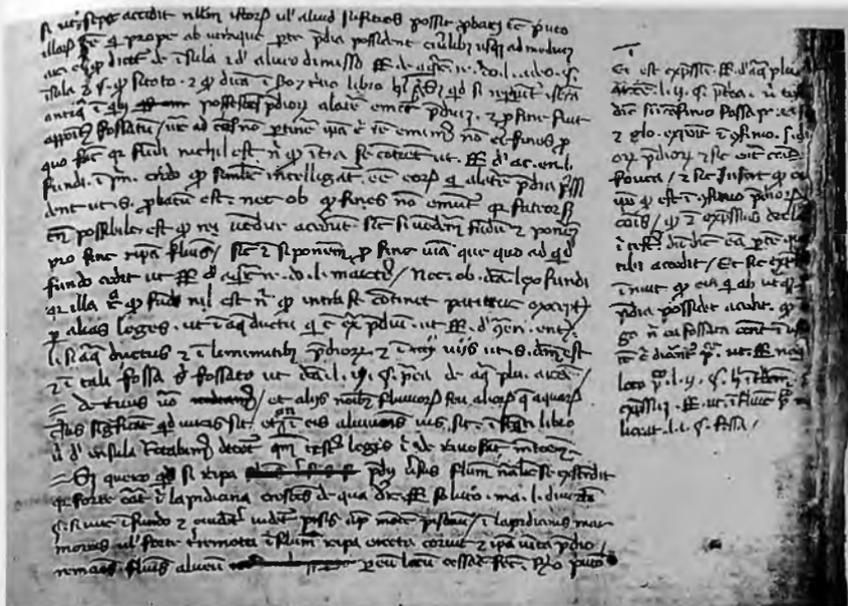
Необходимо отметить, что этот оригинальный и снабженный собственными рисунками Бартоло трактат был построен как род глоссария к шести параграфам Дигест (D.41.1.7.1–6), между тем в известных нам рукописях и изданиях общего комментария Бартоло к *Digestum Novum* вместо этого текста мы находим лишь самое краткое изложение статьи D.41.1.7, и только с параграфа D.41.1.7.7 возобновляется более или менее последовательное комментирование текста Дигест. Возникший экспромтом не более чем за два года до смерти Бартоло трактат никак не был использован в общем комментарии к *Digestum Novum*. В большом комментарии не сохранилось даже упоминания об отдельном комментарии к соответствующим параграфам Дигест, тогда как ссылки на собственные специальные труды были весьма характерны для авторской манеры Бартоло. Как бы то ни было, еще одна существенная переделка комментария Бартоло была вполне возможна, но что-то помешало Бартоло это сделать.

Не так давно в конволюте с материалами выдающегося ученика Бартоло Бальдо дельи Убальди (1327–1400) Винченцо Колли обнаружил автограф первой книги трактата.³⁰ Автограф Бартоло представляет превосходный пример того, как могли выглядеть значительные части рукописи с его комментарием к *Digestum Novum*. На л. 160r, воспроизведенном Колли (см. ил. 1), текст трактата выписан в один столбец, и по краям оставлены широкие поля, куда можно было вносить дополнения и исправления. Текст в столбце содержит множество зачеркиваний и поправок, но кроме того на правом поле можно видеть большую вставку, относящуюся к 4-й строке основного текста и насчитывающую 17 строк. В издании 1483 г. эту вставку мы находим уже в основном тексте, где она занимает 13 строк.³¹

Следы такого же расположения текста мы обнаруживаем и в нашем кодексе, хотя в целом он выполнен в два столбца и все возможные приписки и варианты Бартоло введены в основной текст. Исключение составляет небольшая полоска, которая осталась от листа, некогда составлявшего бифолиум вместе с л. 85, и теперь обеспечивает лишь надежное прикрепление к тетради дополнительного одинарного листа, каким ныне является л. 85. Последний содержит, как мы уже отмечали, заключительную часть комментария к 44-й книге Дигест, и только он в тетради выполнен рукой того пока безымянного для нас писца, который впоследствии стал владельцем рукописи (ил. 2), тогда как

³⁰ Colli V. Collezioni d'autore di Baldo degli Ubaldi nel MS Biblioteca Apostolica Vaticana, Barb. Lat. 1398 // *Ius commune*. Zeitschrift für Europäische Rechtsgeschichte, 1998. Bd. 25. P. 332–334, tav. 89.

³¹ *Bartolus*. Tractatus Tyberiadis... [10b 2–14].

Ил. 1. Bartolo da Sassoferrato. Tractatus Tyberiadis seu de fluminibus.

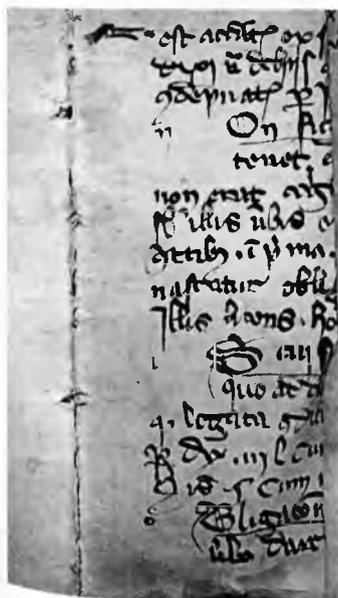
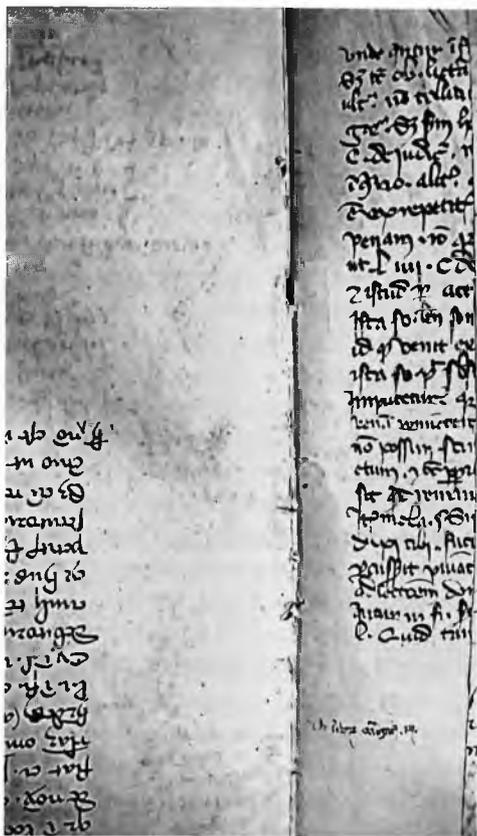
Автограф. Bibl. Ap. Vat., Barb. Lat. 1398, f. 160 (воспроизводится по публикации в ст.: *Colli V. Collezioni d'autore di Baldo degli Ubaldi nel MS Biblioteca Apostolica Vaticana, Barb. Lat. 1398 // Ius commune. Zeitschrift für Europäische Rechtsgeschichte, 1998. Bd. 25. Tav. 9*)

основная часть комментария выполнена рукой Карло Бачьякомари. Изучение внутренней стороны загнутой полоски при этом листе показало, что значительные части текста, который мы читаем на лицевой стороне л. 85, были первоначально выполнены рукой Карло Бачьякомари в виде отдельных, разделенных значительными промежутком записей на широком поле. Можно предполагать, что другие части того же текста, принадлежавшие к первоначальной версии комментария к 44-й книге Дигест, были выполнены в один столбец. Переделывая такую структуру страницы, несомненно, отражавшую структуру авторской рукописи, второй наш писец воспользовался свободным листом бифолиума, с которым работал Карло Бачьякомари, соответствующим образом развернув его, так что остатки текста, выполненного Карло, и новый текст, выполненный вторым писцом, в свою очередь развернулись по отношению друг к другу на 180° (ил. 3).

Воспроизведенная на рисунке бывшая запись на полях, которая насчитывает 24 строки, насколько удастся проверить, в точности

Ил. 3. Bartolo da Sassoferrato. *Lectura super Prima parte Digesti Novi.*

СПБНИ РАН, Научный архив,
Карт. 590, № 1, ф. 85.
Текст в верхней части
обрезанного листа

Ил. 4. Bartolo da Sassoferrato.
Lectura super Prima parte Digesti Novi.

СПБНИ РАН, Научный архив,
Карт. 590, № 1, ф. 85.
Текст в нижней части
обрезанного листа

повторяет текст упомянутого выше толкования параграфа *Qui servum*, который на л. 85га занимает первые 29 строк. Вторая такая запись (ил. 4), графически отражает разделение текста на статьи: *Non figura* (D.44.7.38), *Is cui sub condicione* (D.44.7.42), *Obligationum fere* (D.44.7.44). Похоже, что Карло Бачьякомари пытался оформить здесь маргинальные записи Бартоло как обыкновенные глоссы. Вторая запись соответствует строкам 16–36 во втором столбце л. 85г. Мы уже отмечали, что в конце своего толкования параграфа *Qui servum* Бартоло ссылается на последующую часть своего комментария, употребляя в отношении нее выражение в прошедшем времени *ut plene dixi* (f. 85га 28–29, см. прим. 27). Точно так же в начале и в конце второго текста-вставки, а именно в заключительной части толкования параграфа *Cessat ignominia* (D.44.7.36) и в первых строках комментария к параграфу *Obligationum fere* (D. 44.7.44) Бартоло сообщает в прошедшем времени о своих высказываниях, которые в соответствии с формальным порядком должны были еще последовать много ниже.³² Здесь не приходится сомневаться в позднейшей переделке ранее существовавшей версии большого комментария. В отношении литературного стиля эту переделку можно было бы назвать небрежной, но надо помнить, что сам Бартоло рассматривал свой письменный комментарий на *Digestum Novum* главным образом в качестве необходимого справочника для своих студентов.

Как и текст, соответствующий первой записи на загнутой полоске, текст, соответствующий второй записи, отмечен на л. 85г указанием имени Бартоло в конце отрывка (85gb 35). Можно предполагать, что прототип, по которому был выполнен петербургский кодекс, сохранял в значительной его части такую структуру страницы, какую имела авторская рукопись. Переписчики, работавшие в Болонье примерно через 13 лет после кончины перуджинского профессора, уже не были в достаточной мере знакомы с особенностями графического стиля Бартоло и его секретаря и потому проявляли особую осторожность в атрибуции позднейших записей автора, а равно и в их расположении на странице. Каждый, как уже было сказано выше, отмечал авторство Бартоло своим особым способом.

Мы уже знаем, в сколь скромной форме делал это Карло Бачьякомари. Заметим попутно, что Карло был опытным переписчиком, человеком с хорошим самообладанием, который редко допускал ошибки в транскрипции. Листы кодекса, переписанные этим отпрыском

³² «ut dixi supra de his qui no(tantur) infa(mia) et dixi in lege infamem (D.48.1.7) i(nfra), de publicis iudiciis (48.1) et dixi de condemnatione per inquisitionem (f. 85rb 18–19)», ...et dixi in lege *Eum qui* (D.45.1.56) § *Qui ita* (D.45.1.56.4–5) i(nfra), *De verborum obligationibus* (D.45.1.) (f. 85rb 36–37).

патрицианской болонской семьи, изобилуют легкими, изящными рисунками и иллюстрациями. Напротив, писец, переписавший лишь 14 столбцов на лл. 177га — 180гв, успел многократно выразить свое восторженное почитание Бартоло. Для него характерны такие выражения, как «исключительный», «всех превосходящий»: *Bartolus de saxo ferrato legum doctor eximius excellentissimus ultra omnes* (f. 177vb 19–20), *Bartolus de saxo ferrato legum doctor eximius et excellentissimus* (ibid. 66), *Bartolus de saxo ferrato legum doctor eximius* (f. 178vb 56).

В отличие от Карло Бачьякомари второй основной наш писец — и он же заказчик рукописи — был рассеян, пропускал части фраз, искажал текст, но вместе с тем порою обнаруживал и особую вдумчивость, и заведомую осведомленность. Историки до сих пор не считают вполне достоверной традицию, которая связывала Бартоло с родом *Severi*.³³ Представляется, что атрибуции нашего второго писца представляют самое раннее и, быть может, самое надежное свидетельство того, что Бартоло носил-таки это фамильное имя. Он представляет Бартоло как простым именем *Bartolus*, так и более сложным *Bartolus de Severiis* (f. 25vb 86, 27га 25, 28га 40, 85в 3), *Bartolus de Severiis de Saxoferrato* (214га 86).

Считается хорошо засвидетельствованным фактом, что именно в Болонье текст комментария Бартоло к *Digestum Novum* был впервые подготовлен для копирования по установленным в университетских сообществах правилам. Это предполагало членение некоторого образца на относительно равновеликие небольшие части, *пеции*, которые можно было распределять среди переписчиков. Одновременно упорядочивалось взимание платы как за переписку рукописи, так и за предоставление печей. Университетское издание текста по этой причине называлось *taxatio*.³⁴

Не исключено, что Карло Бачьякомари был причастен к созданию так называемого *экземпляра* — того исходного образца, к которому восходили все дальнейшие университетские копии комментария Бартоло к *Digestum Novum*. Но можно со всей определенностью утверждать, что второй наш основной писец к созданию *экземпляра* отношения не имел, хотя, возможно, и работал с материалами, прибывшими из Перуджи, которые были положены в основу *экземпляра*. Дело в том, что во всех известных нам рукописях и изданиях, исключая петербургскую рукопись, комментарий к статье *In honorariis* (D.44.7.35) контактирован пометой Бартоло, относившейся к следующему параграфу

³³ Calasso F. Bartolo da Sassoferrato... P. 640; Treggiari F. Le ossa di Bartolo. Contributo alla storia della tradizione giuridica perugina. Perugia, 2009. P. 13.

³⁴ См.: Murano G. Opere diffuse per exemplar et pecia (Textes et études du moyen âge, 25). Turnhout, 2005. P. 150.

Cessat ignominia (D.44.7.3). Бартоло много занимался объяснением значения отдельных слов. Он припомнил то особое применение понятия *ignominia* в сфере правоотношений военного сословия, которое было представлено в одном из параграфов императорского эдикта *De re militari* (C.12.35).³⁵

Название этого эдикта у создателей *экземпляра* попало в комментарий к параграфу *In honorariis*, хотя содержание эдикта имело мало общего с содержанием параграфа. Критически перерабатывая опыт своего предшественника, Карло Баччакомари, второй наш писец счастливо избежал этой контаминации. Но прочие переписчики, а потом и издатели не переставали искать всё новые комбинации для чужеродной ссылки в комментарии к параграфу *In honorariis*. Их находки не требуют нашего комментария, но стоит привести их в примечании вместе с вполне удовлетворительным текстом от второго основного писца петербургской рукописи.³⁶

Хранящийся в Санкт-Петербургском институте истории кодекс таит еще множество интереснейших свидетельств о том, как сложилась основная редакция одного из выдающихся памятников правовой мысли европейского средневековья, и он заслуживает дальнейших исследований.

³⁵ См.: C. 12.35.3 *Imperator Antoninus*. «Milites **ignominia** missi, cum infamia notantur, nullis honoribus, qui integrae dignitatis hominibus deferri solent, uti possunt».

³⁶ f. 85rb 7–10: «de rescissoria non dico plus, materia est in lege *ab hostibus* (D.4.6.15) § *sed quod simpliciter* (D. 4.6.15.3), supra *ex quibus causis maiores* (D. 4.6.0), Inst. *De actionibus* § *Rursus* (Inst. 4.6.5), C. † l(egis) fi(ne), *de temporibus in integrum restitutionis* (C. 2.52), *lege quod tempore* (C. 2.50.3). Bar(tolus)».

Assisi 208, f. 235ra 46–49: «De rescissoria non dico plus, quia est materia in lege *ab hostibus* § *quod simpliciter* supra *ex quibus causis maiores* l(egis) fi(ne). C. *De resti(tutione) mili(tari)* l(ege) *quod tempore*».

Bartolus. Super prima parte D. N. Vindelinus, 1471 [564a]: «de rescissoria non dico plus, est materia in lege *ab hostibus* § *sed quod simpliciter*, *ex quibus causis maiores* et insti(tutiones) *de actionibus* § *rursus*. C. [*ex quibus causis maiores*] l(egis) fi(ne) et *de re mili(tari)* (C. 12.35) l. *quod tempore*. Bar.».